

Жизнь и смерть Егора Булычова

Спектакль Югославского
драматического театра
в Горьком

Павлином, когда Булычов отер поблдевший лоб и так неподвижно застыл на минуту, словно весь мир перестал существовать для него, вы и не догадались бы, что он болен. Почти никаких выкриков, срывов, ровный и спокойный тон беседы. К Павлину он даже сам подсел по-дружески и предложил вина. Спора между ними не было, как это обычно бывает в театрах, а были только полуплутистые, полуиронические реплики Булычова. Зато вслед уходящему попу Егор посылает немедленную оценку: «Боров! Набрался тела — крови христовой». Высказывает он это спокойно, даже без всякой досады, как подтверждение очень давно сложившегося убеждения. Он ведь знает, что Павлин уминый краснобай, и знает цену его краснобайству, поэтому и не тратит душевных сил на спор с ним.

Вообще замысел актера в первом акте состоит в обнаружении того обстоятельства, что Егор не сейчас, не под влиянием болезни приходит к верной оценке окружающих людей, а давно уже знает правду о них. Некоторых (Звонцова, Варвару, Аксинью) он даже не слушает, что бы они ни говорили; ему не интересно, он заранее знает, что они скажут и о чем умолчат, и какие злые расчеты руководят ими. Едва Варвара начинает жаловаться на Шурку, как раздается короткое, повелительное: «иди!» — и палец категорически указывает ей на дверь. Едва присядет перед ним Звонцов, и сейчас же приходится встать: Булычов не хочет слушать.

И даже позднее, уже напуганный смертью Егор продолжает все ту же линию. Только что он выгнал игуменью, сестру жено. Аксинья пришла с причитаниями и жалобами по этому поводу. И вдруг, преодолевая физическую боль, он начинает петь. Вывает и шепчет Аксинья, а он поет и не слушает. Среди пения объявляет вдруг, что Меланья приходила пугать его смертью поговору с Аксиньей, и снова начинает петь, не слушая никаких оправданий жены: давно известно все, что она скажет.

Булычов — опытный человек. В его сознании живет страшный, старший душу опыт того мира, где, наживаясь, грабят, обманывают и убивают друг друга.

Егор и сам отчасти принадлежит еще к этому миру. Недаром в исполнении Живановича он с такой злобной энергией обрушивается на обворывавшего его приказчика Мокя Башкина, словно сейчас за горло схватит, и вдруг останавливает себя на мысли, что рубль, сам по себе, есть главный вор.

В этом враждебном мире для Булычова только два близких существа: Глафира и — особенно — Шурка. Если вначале дочери доставался время от времени шутиливый отцовский шлепок или нежное поддразнивание, если вначале она казалась отцу девчонкой-малолеткой, то во второй половине спектакля вырастает у Егора трагическое чувство отцовства, наполненное любовью, страхом и надеждой.

Он сделал, что мог: показал ей отвратительное убожество, скaredность, бесчеловечие, лживость тех, с кем сам прожил целую жизнь. Но где же найти спасение? Этому Булычов не знает. Он чувствует острый интерес к миру Якова Лаптева, но еще не понимает этого революционного мира. Когда Башкин пересказывает ему слова «Марсельезы», Егор как-то неопределенно замечает, что это «на молитву похоже».

И вот, разрушаемый недугом, Булычов торопливо рассказывает Шур-

ке о главной своей мысли: не на той улице он жил, лет тридцать все с чужими. Он говорит это так, что видно, как много он хотел бы сказать, а приходится ограничиваться краткими, не объясняющими всего словами. Распластавший руки на кресле, похожий на израненную птицу, он ничего не может больше сказать. И тогда Булычов молча обнимает Шурку, придвигает к себе и держит так нежно, так долго, как будто боится выпустить ее из рук, боится, что выпустит — и умрет, а она останется одна в страшном, изувеченном мире.

Как сильно изменился Егор под угрозой смерти! Не боль изменила его, а страх. Даже руки стали другими: нервными, суетливыми. Теперь он часто кричит, но еще чаще сдается и умолкает. Теперь он пытается у попа Павлина, которому давно не верит, найти ответ на вопрос о смысле жизни и смерти. Спор между ними идет гневный, с взаимными оскорблениями, и ни к чему не приводит. Егору предлагают испробовать «лечение» у знахарки и юродивого. Он соглашается, не потому что подчиняется причудам домашних, а потому, что хочет верить в чудо исцеления. Тьма нависает над ним. Юродивый Пропетей испугал его и довел до обморока.

Есть минута, когда умирающий Булычов встает с кресла и нетвердыми ногами, идущими как бы в разные стороны, отправляется молиться богу. Но ясный разум неверующего человека в конце концов и тут берет свое.

Правильно ли делает актер, раскрывая последовательно на сцене умирающего Булычова и его страх перед смертью? Думается, что совершенно правильно. У Булычова не может не быть страха. Его страх от одиночества: ведь он не знает нового мира, хотя и ненавидит старый. Этим страхом Булычов распахивается за то, что он всю жизнь прожил «не на той улице». Борьба между жадой жизни и страхом смерти заполняет последние минуты Булычова. Каждый раз, когда побеждает эдоровое начало, мы чувствуем, как «много еще осталось» от молодости, от прежнего в этом человеке. Незадолго перед кончиной, в минутном припадке он созывает на помощь всех и потом вдруг окликает себя: «Егор... Егор Булычов...». Живанович это делает так, что его Егор распрямился, выправил грудь и почти солдатским шагом пошел по комнате. Он словно хочет сказать себе: ты должен жить, ты победишь смерть!

Но вскоре все кончается. Он просит Шурку послушать, что там поют за окном. Багровые отсветы улицы врываются в комнату; слышны отголоски революционной рабочей песни. Егор тоже хочет заглянуть в это новое, он приподнимается в кресле, его рука опрокидывает свечу и вместе с ее огнем гаснет жизнь.

Вот и умер Егор Булычов. Умер человек, которого, благодаря талантливому воплощению актера, мы узнали с самой интимной стороны во всем его человеческом естестве.

Это был человек умный, сильный, но погубленный «царством, где смрад». Его жизнь была трагедией. Никто не должен так жить — «не на той улице». Человек должен жить вместе со своим народом в том новом и человеческом мире, который уже увидел из окна Шура Булычова.

Такова, мне кажется, главная мысль Миливое Живановича, определившая весь художественный строй созданного им образа и поддержанная многими другими замечательными артистическими работами в этом спектакле.

Ю. ВОЛЧЕК.

На снимке: сцена из второго акта спектакля Югославского драматического театра «Егор Булычов и другие».

Фото Н. Капелюша.



Оригинальный и глубоко содержательный спектакль, показанный гостям у нас Югославским драматическим театром, привлекает к себе пристальное внимание. Подробный анализ его в газете — дело недалекого будущего. Пока же в качестве первого отклика — хочется рассказать о тех чувствах и мыслях, какие порождает у зрителей талантливое исполнение центральной роли Егора Булычова артистом Миливое Живановичем.

Есть такие образы в мировой классической драматургии, о которых с полным основанием можно сказать, что они бессмертны. Каждое поколение актеров и зрителей, сохраняя основное содержание этих образов, дополняет их восприятие чем-то своим, открывает в них новые грани. Такой, поистине бессмертной жизнью живет, например, шекспировский Отелло. Туда же — в бессмертие — шагнул и созданный Горьким Егор Булычов, чья трагическая жизнь и смерть закрывают последние страницы существования русского капитализма и служат предвестием новой, социалистической эпохи.

Время от времени какой-нибудь особенно яркий и талантливый актер создает сценическую традицию воплощения бессмертного образа, и она властно удерживается среди его современников. Так создал покойный Б. В. Шукин традицию воплощения Булычова — бунтаря, протестанта, срывателя всяческих масок с буржуазной действительности. С тех пор все актеры играли Булычова так же, не всегда со Шкуинской яркостью красок, но всегда по тому же рисунку. Но как замечательна ни была традиция, она всегда оставляла простор для новых творческих открытий.

В работе югославского артиста Миливое Живановича особенно интересны самостоятельность и своеобразие его подхода к роли Булычова. Кажется, наиболее четко можно было бы линию стремлений актера сформулировать так: передать все многообразие и противоречивость характера Егора! Булычов — мудрый, аналитичный человек, крупный делец и хозяин, заботливый отец Шурки, Булычов, натолкнувшийся на угрозу смерти и испугавшийся ее, Булычов, ищущий смысла жизни, Булычов, борющийся со смертью, почти побеждающий ее и все-таки умирающий — таков этот сложный образ у М. Живановича.

Вначале, в первом акте, Булычов еще очень спокоен и уверен в себе. Правда, он знает, что болен, но болезнь пока ничем не грозит ему. Если бы не минута мучительной слабости посреди разговора с попом